

легендарный немецкий маэстро вновь в Москве

39

У Национального оркестра Франции не было ни интонационной святости, ни «электронной» слаженности немцев или австрийцев, но магия звука от этого не исчезала. Мазур заставил прозвучать за этим, вероятно, не самым совершенным исполнением некую по-кантиански идеальную партитуру, которая была слышима настолько отчетливо, что заглушала все огрехи. Очевидно, что слова о поисках подлинного духа музыки для дирижера — не риторика. Пожалуй, самым блаженным было именно это, давно утраченное в современной постмодернистской культуре

ощущение найденности, обретенности некоего главного смысла, которым Мазур ничуть не кичится, который не проповедует, а лишь доносит до ушей.

Трактовка Второго фортепианного концерта Прокофьева, предложенная Елизаветой Леонской, вызвала, вероятно, куда большую полемику. Смущало странное сочетание экзальтированности (очень женской, почти истеричной в какие-то моменты) и предельно мужской манеры игры. В этом было что-то цветаевское, очень откровенное и все же мощное.

Вальс Равеля показался в большей степени аттракционом, сыгранным блестяще, но с «холодным носом». Это как раз то, что сам маэстро в одном из интервью называл «thrill» — «трепет» (в том случае триллером был назван знаменитый танец Саломеи из оперы Рихарда Штрауса). Эти взлеты и падения в самом деле напоминали американские горки. В финале — два антракта из «Кармен» на бис и нескончаемые овации зала, который парадоксальным образом не желал расходиться, несмотря на то что концерт начался поздно и закончился в двенадцатом часу.